

УДК 94/47+57/«1941/45»:930.2+930.2+930.1

Образы «врага» и «друга» в исторической памяти свидетелей войны: теоретико-методологические основания реконструкции

Белокрылова В.А.

*Государственное научное учреждение «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск*

Статья посвящена обсуждению исследовательских инструментов и концептуальных предпосылок тематического научного проекта «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти», приуроченного к 70-летию юбилею Победы. Проект выполняется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г15-106.

Цель – выработка адекватного исследовательской задаче междисциплинарного методологического инструментария для реконструкции содержания образов «врага» и «друга» в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны.

Материал и методы. В рамках настоящего проекта авторы исследуют потенциал метода устной истории и метода сократического диалога как разновидности практической (инструментально ориентированной) философии. С целью выработки отвечающих задачам проекта технологий сбора устных свидетельств и их последующей философско-мировоззренческой интерпретации предлагается теоретический синтез данных исследовательских средств.

Результаты и их обсуждение. В статье определяется мировоззренческий статус образов «врага» и «друга» в контексте конструирования и трансляции исторической памяти, формулируются рамочные теоретико-методологические принципы сбора и обработки устных свидетельств, раскрывается трансдисциплинарный характер метода устной истории. В работе вводятся и обосновываются принципы неустрашимости оценочной нагруженности повествований респондентов, «герменевтический круг» в интерпретации опыта прошлого, эвристичность приемов сократического диалога.

Заключение. Значительный мировоззренческий вес и идеологическая нагруженность образов «врага» и «друга» как системообразующих компонентов исторической памяти обусловили необходимость выработки оригинального междисциплинарного инструментария, позволяющего осуществить их реконструкцию и содержательную философскую интерпретацию. Теоретические выводы, полученные в ходе настоящего проекта, будут полезны для осмысления теории и практики современных политехнологий, для совершенствования системы патриотического воспитания и идеологической работы.

Ключевые слова: образы «врага» и «друга», историческая память, устная история, динамика общественного сознания.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 113–120)

Friend and Enemy Images in the Historical Memory of War Witnesses: Theoretical and Methodological Base of Reconstruction

Belokrylova V.A.

State Scientific Establishment «Institute of Philosophy of the NAS of Belarus», Minsk

The article is devoted to research instruments and conceptual background of the thematic scientific project «Friend and enemy images in the memory of witnesses of the Great Patriotic War: philosophical aspects of shaping historical memory», dedicated to the 70-th anniversary of the Victory. The project is implemented with financial assistance of Belarusian Republican Fund of Fundamental Research, agreement № Г15-106.

The aim of the research is to develop inter-disciplinary methodological instruments for reconstruction of images of friend and enemy in the memory of witnesses of the Great Patriotic War.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ralfina@rambler.ru – В.А. Белокрылова

Material and methods. Within this project the authors study the potential of the oral history method and the Socratic dialogue method as kinds of practical (instrumentally oriented) philosophy. In order to work out the technologies of collection of oral evidence with the following philosophical and ideological interpretation it is offered to synthesize theoretically the mentioned research tools.

Findings and their discussion. The articles defines the worldview status of the images of friend and enemy in the context of construction and transfer of historical memory. The framework theoretical and methodological principles of collection and processing of oral evidence are formulated. The trans-disciplinary nature of the method of oral history is discussed. The work introduces the principles of inevitability of evaluation in respondents' stories, «hermeneutical circle» in interpretation of the past experience, heuristic methods of the Socratic dialogue.

Conclusion. A significant ideological weight of the images of friend and enemy as system-forming components of historical memory justified the need to work out original inter-disciplinary instruments that help to make their reconstruction and philosophical interpretation. Theoretical results obtained during this research will be useful for comprehension of theory and practice of modern political technologies, improvement of the system of patriotic education and ideological work.

Key words: images of friend and enemy, historical memory, oral history, dynamics of social consciousness.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 113–120)

Настоящая статья посвящена обсуждению исследовательских инструментов и концептуальных предпосылок тематического научного проекта «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти», приуроченного к 70-летию Победы. Проект выполняется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г15-106.

Цель – выработка адекватного исследовательской задаче междисциплинарного методологического инструментария для реконструкции содержания образов «врага» и «друга» в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны.

Материал и методы. В рамках настоящего проекта авторы исследуют потенциал метода устной истории и метода сократического диалога как разновидности практической (инструментально ориентированной) философии. С целью выработки отвечающих задачам проекта технологий сбора устных свидетельств и их последующей философско-мировоззренческой интерпретации предлагается теоретический синтез данных исследовательских средств.

Результаты и их обсуждение. В информационную эпоху содержание сознания более не может быть определено как личное достояние автономного индивида. Информационные потоки, а с ними – образы и установки сознания обретают товарное измерение, становятся объектом и фактором политики и геополитики. Образ мысли, страхи и желания людей сегодня успешно интегрированы в идеологии и политтехнологии. Память о прошлом также не является исключением из общего правила.

Механизмы формирования и направления динамики исторической памяти являются сегодня комплексным предметом изучения гуманитаристики. Многие ретранслируемые современными медиа образы по-прежнему отсылают к реперной точке новейшей истории – Великой Отечественной войне. В этом периоде, отделенном от нас значительной исторической дистанцией, по-прежнему пролегает идеологический и ценностный водораздел, продолжающий формировать отношения ко многим событиям современности [1]. К сожалению, сложившаяся в отечественной традиции исследовательская оптика мало ориентирована на анализ именно *отношения* – субъективно-смысловых и экзистенциальных аспектов исторической памяти. Установка на единообразный и практически безальтернативный характер содержания ценностно нагруженных образов, связанных с Великой Отечественной войной, ведет, на наш взгляд, к мифологизации истории, что сказывается и на понимании коллизий современности.

Восполнить существующий пробел в осмыслении полифонии образов общественного сознания, сформированных вокруг войны как глубокой экзистенциальной травмы, приблизиться к пониманию социально-психологических и культурных механизмов формирования личностных смыслов целесообразно за счет обращения к набирающей популярность междисциплинарной стратегии – устной истории. Органичным дополнением к ней послужат методики философского диалога и смысловой интерпретации.

Термин «устная (вербальная) история» начал употребляться в западной историографии сравнительно недавно – в середине XX века. Суть данного направления – необходимость дополнения сведений, полученных из офици-

альных источников, свидетельствами непосредственных участников и очевидцев событий. Это взгляд на события прошлого глазами простых людей, своеобразная демократизация и «нарративизация» исторического знания. Важнейшие ресурсы, которые становятся благодаря устной истории достоянием теоретической рефлексии, – личный жизненный опыт, переживания, мысли и оценки людей по поводу их исторического прошлого.

Становление стратегии устной истории происходит в общем контексте обращения гуманитариев в своих исследовательских проектах к биографическому методу. Рассказы и воспоминания людей как научный ресурс активно используются в этнографии, антропологии, социологии, психологии.

На первый взгляд, устная история радикально отходит от канонов научного объективизма. Рассказы людей о времени и о себе субъективны по определению. Включая их в научный оборот, ученый имеет дело со вторичной, опосредованной личным опытом и ценностями картиной исторических событий и процессов. Объект исследования здесь – прошлое, тем или иным образом отразившееся и интерпретированное в сознании, предметом анализа являются воспоминания и размышления очевидцев.

Устная история как исследовательская стратегия, апеллирующая к субъективному опыту, принадлежит парадигмальным рамкам постнеклассической картины мира. Прошлое здесь – это не только то, «как было на самом деле», но и то, как оно оценивалось очевидцами, и то, каким образом «бывшее» пребывает, ощущается в настоящем. Этим обусловлено пристальное внимание к историческому сознанию как фактору социальной онтологии, а не просто субъективному отражению объективной реальности. Диалектическая взаимосвязь интерпретативной и онтологической ипостасей исторического сознания проявляется в его специфической динамике, осмыслению механизмов и движущих сил которой посвящены не только научные, но и литературные произведения, например, работы лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 года С.А. Алексиевич.

Нарратив, полученный посредством методик устной истории, представляет собой, с одной стороны, живое свидетельство, а с другой – опосредованную рядом факторов, субъективно преломленную картину событий прошлого. Неизбежная соотнесенность этой

картины с определенными культурно-ценностными, пропагандистскими рамками, идеологическая ангажированность и т.п. отнюдь не исключают ее научной и прогностической значимости. При этом важнейшую роль играет интерпретативная техника обработки свидетельств, балансирующая между субъективным миропониманием и объективными системными параметрами событий прошлого и настоящего.

Отдельной обширной темой выступает идеологический потенциал образов прошлого. Достаточно распространенным феноменом является «вторжение» устойчивых образов и интерпретационных схем исторического сознания в мотивационную сферу актуального социального действия. Подобные образы служат ресурсом, к которому нередко прибегают современные политики и идеологи [2].

Сказанное позволяет сделать вывод как об объяснительном, теоретико-рефлексивном, так и о преобразовательном потенциале нарративов устной истории. Устная история как междисциплинарное направление гуманитарно-биографического исследования развивается в контексте современной «расширительной» трактовки прошлого, которая объемлет и то, как воспринималось, интерпретировалось событие, и то, как видоизменялась со временем эта интерпретация.

Устная история как исследовательская стратегия синтезирует в себе элементы истории, культурологии, социологии. Философии здесь принадлежит важная интерпретативная и методологическая функция. Обращение ученых к устной истории способствует преодолению одностороннего взгляда на прошлое, где ведущая роль отведена масштабным политическим и экономическим событиям, а повседневность во всем ее богатстве занимает незаслуженно малое место. Этой важнейшей составляющей истории до недавнего времени уделялось недостаточно внимания со стороны официальной науки. Реконструкция истории отдельно от ее человекомерной составляющей провоцирует отчужденное отношение как к недавним эпизодам истории, так и к целым историческим периодам. Рассказ от первого лица позволяет «примерить» на себя опыт прошлого, идентифицировать себя с ним. Благодаря устной истории знания о прошлом приобретают человекомерный характер, а сопутствующая философско-мировоззренческая аналитика пережитого способствует терапии исторических травм, открывая новые практи-

ко-ориентированные возможности для философского знания. Сегодня устная история (тесно совмещенная с «устной культурологией», «устной социологией» и даже «устной практической философией») бурно развивается в общем контексте проблематизации механизмов формирования и трансляции исторической памяти, признания важности уникальной локальной истории, возрастающего влияния социологии и культурологии повседневности на сферу гуманитарных исследований.

«Устная история – это история, построенная вокруг людей. Она наполняет жизнью историю как таковую и расширяет ее масштаб. Она позволяет найти героев не только среди вождей, но и среди безвестного большинства народа. Она побуждает преподавателей и студентов к совместной работе. Она привносит историю внутрь сообщества, чтобы затем сделать ее общим достоянием. Она помогает наименее защищенным людям, особенно старикам, обрести достоинство и уверенность. Она способствует контактам – а значит, и взаимопониманию – между социальными классами и поколениями. А отдельным историкам и тем, с кем они делятся мыслями, она дает ощущение принадлежности к определенному месту и времени. Одним словом, она помогает людям полнее ощущать себя людьми. И, что не менее важно, устная история бросает вызов общепризнанным историческим мифам, авторитарности суждений, заложенной в научной традиции. Она способствует радикальному преобразованию социального смысла истории» [3].

Научный и социальный потенциал устной истории не ограничивается изменением традиционного ракурса предметности исследования (рассказанная история вместо документов и артефактов). Рассказанная история неотделима от обстоятельств места, времени и коммуникативных средств ее получения, социальной позиции и индивидуального культурного капитала респондентов, их мировоззрения, влияния идеологии и работы пропагандистской машины. Такая обусловленность сказывается на исследовании двояко. С одной стороны, при реконструкции картины событий она должна быть учтена и, при необходимости, заключена «в скобки». С другой стороны, плюрализм свидетельств открывает возможности создания более объемной, многоплановой картины, что достигается за счет ее проецирования с различных позиций. Включение в научный оборот субъективных свидетельств

представителей различных социальных слоев, культурных групп и т.п. станет средством повышения объективности исторической науки, позволяя воссоздать более реалистичную картину прошлого. Многополярность интерпретации прошлого – закономерный эффект социальных дефиниций настоящего. Всякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей [3]. «Большинство историков открыто или завуалированно высказывают свои оценки – и это правильно, ведь социальные задачи истории требуют понимания прошлого, прямо или косвенно связанного с настоящим» [3].

Следует отметить значительный потенциал философского участия в проектах устной истории. Это выражается, во-первых, в определении места устной истории в системе знания о прошлом, методологической оценке ее роли в современной историографии; во-вторых, в методике проблемно ориентированного интервью-диалога, в-третьих – в смысловой и категориальной реконструкции интегральной картины различных регионов исторического бытия и сознания. На последнем пункте остановимся подробнее. При отсутствии инструментов должной смысловой генерализации наличие разноплановых и, зачастую, взаимопротиворечащих свидетельств рискует обернуться мозаичностью и релятивизмом. Многообразие взглядов на одно и то же событие или процесс – это лишь эмпирический факт, для теоретического овладения которым нужно представить данное многообразие как закономерное, неслучайное. Многообразие свидетельств, оценок, точек зрения устной истории может и должно быть препарировано философскими средствами. Поскольку философия традиционно имеет дело с культурными смыслами и значениями, а устная история представляет собой кладезь их личностных вариаций, целостное смысловое измерение исторического сознания реконструируется в ходе их согласованных усилий. Внести свой вклад в воссоздание многомерной, но в то же время внутренне цельной картины памяти о войне как важном этапе становления современной социальной реальности призван настоящий проект.

Целевые для данного исследования категории – образы «врага» и «друга», «своего» и «чужого» – традиционно служили инструментом опосредования дискурса власти и повседневного мировоззрения простого человека с его уникальными представлениями об окру-

жающем мире, ценностями и убеждениями. Важной особенностью военного и послевоенного периодов является существенная трансформация образов «врага» и «друга», которая разворачивалась как во властных дискурсах, так и в пространстве массового сознания. Именно наблюдаемая в достаточно короткий период времени смена казавшихся самоочевидными представлений является благодатной почвой для теоретической рефлексии по поводу генезиса исторической памяти.

В рамках исследовательского проекта «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти», приуроченного к 70-летию юбилею Победы планируется проследить смысловую динамику восприятия указанных категорий общественного сознания. Это расширит и дополнит имеющиеся представления о том, что объединяло и направляло, а что разъединяло и противопоставляло переживших войну людей, каковы были их страхи и надежды, привязанности и антипатии. Через призму трансформации образов «врага» и «друга» как средоточия эмоционально-смыслового отношения к действительности удобно зафиксировать, как складывалось и как менялось отношение людей к изменившемуся после войны миру, как эволюционировала их историческая память. Военный период не случайно принят за точку отсчета, так как эмоциональная острота и вес военного опыта во многом определяют последующие убеждения и взгляды людей, наполнение и индивидуальную интерпретацию. «...Пожалуй, наиболее значимым ориентиром ... была Великая Отечественная война как отнюдь не “малая” пограничная ситуация, предопределившая культурный образ позднесоветского человека» [4].

Общий контекст анализируемого нами первого послевоенного десятилетия – «пограничное» состояние между войной и миром. В этот период эффект противостояния пролонгируется идеологическими средствами. Маховик борьбы с врагами не может вращаться вхолостую. Во внешней политике легитимность физического устранения противника сублимируется, принимая форму идеологической конфронтации. В этом смысле «холодная война» во многом является именно психологической, политехнологической войной. В войну ядром консолидации народа и власти служил общий враг – фашизм. Переформати-

рование образа врага преследует всю ту же цель общественной консолидации по отношению к внешним и внутренним угрозам, причем последние становятся сложнее выявить, распознать.

Какие эмоционально насыщенные образы «врага» и «друга» утверждаются в послевоенный период? Как в повседневную жизнь людей были «встроены» новые идеологические компоненты? Реконструкция индивидуально-субъективного мировосприятия очевидцев переломного для истории XX века десятилетия внесет свой вклад в дело осмысления закономерностей конструирования исторической памяти.

Мы полагаем, что тема «“врагов” и “другей”» требует компаративного анализа как минимум на трех уровнях. Первое – «субъективная история» – воспоминания, суждения и оценки очевидцев – людей послевоенного поколения. Второе – исследования соответствующего пласта пропагандистской риторики первых послевоенных пятилеток. И, наконец, третье – аналитическое сопоставление идеологической риторики и «жизненной философии» переживших войну людей.

Предварительное допущение настоящего исследования состоит в том, что формирование образов «врага» и «друга» в общественном сознании разворачивается через диалектическое взаимодействие содержательно-фактических и идеально-смысловых компонентов межпоколенческого опыта. В свою очередь, смысловые и эмоциональные координаты «картины мира» задаются представлениями о врагах и друзьях. Именно они определяют «стиль» мышления, объяснительные схемы и стереотипы массового сознания. Представления о врагах и друзьях фактически являются стратегическими для поведения человека, служат для него мотивом и руководством к действию.

С помощью метода устной истории открывается уникальная возможность реконструкции образов «врага» и «друга» в буквальном смысле «со слов» их носителей. По утверждению И.Б. Орлова, устная история позволяет, с одной стороны, исследовать определенные сферы, по которым отсутствуют иные источники, а с другой – расширить возможности социокультурной обработки недавнего прошлого [5].

Устная история – это, в первую очередь, рассказанная история. Здесь, безусловно, важны подход интервьюера, характер, структура

и последовательность вопросов, которые он задает респондентам. Стоит особо подчеркнуть, что миссия настоящего исследования представляется на порядок более сложной, чем просто сбор и обработка повествований о событиях прошлого. Его предмет и тематическая ориентация предполагают направленный характер беседы. Это обстоятельство обуславливает особые требования, предъявляемые к структуре нашего опросника и технике проведения беседы с респондентами. В основу технологии интервьюирования будут положены определенные философско-мировоззренческие допущения. Таким образом, главной теоретико-инструментальной задачей на подготовительном этапе становится адаптация существующих методик сбора устной истории для «точечной» реконструкции содержания образов «врага» и «друга».

В большинстве специальных источников по устной истории в той или иной форме рекомендуется избегать вопросов, направленных на оценку событий [6]. Однако в рамках настоящего исследования, ключевыми концептами которого являются «враг» и «друг», мы не можем и не должны исключить оценочные суждения. Образы «врага» и «друга» выступают здесь как мировоззренческие конструкты, появляющиеся как результат семантической и аксиологической маркировки личностью своего жизненного мира. Эти конструкты возникают на пересечении реальностей идеологического дискурса и личного экзистенциального опыта. По этой причине мы намерены сознательно фокусировать внимание на оценочных суждениях наших респондентов, имеющих отношение как к повседневным, так и к важным историческим событиям послевоенного времени. Оценочное суждение – это неотъемлемый компонент личностной интерпретации образов «врага» и «друга».

Следуя за известным теоретиком «устной истории» Полом Томпсоном [3], мы полагаем, что искомый подход к проведению подобных интервью находится где-то между двумя крайностями: между жесткой структурой предварительно составленного опросника и так называемым «открытым интервью» – свободной беседой со свидетелями событий.

Коммуникативная специфика проведения интервью в нашем случае обусловлена еще и тем обстоятельством, что образы «врага» и «друга» не могут быть раскрыты путем прямого вопрошания, как то: «Расскажите нам о

ваших врагах и друзьях». Одной из сдерживающих причин в данном случае является опасение респондентов эксплицитно обозначить свою личную позицию.

Другая существенная особенность предмета исследования связана с тем, что индивидуально конструируемые образы «врага» и «друга», будучи по своей природе неопределенными и расплывчатыми, порой трудно эксплицируемы и для самого респондента. Образы «врага» и «друга» – это скорее некое конструируемое «здесь и сейчас» видение, нежели отчетливый контур.

Категория «образ» успешно отражает эмоциональность, некоторую размытость, неопределенность, а порой и непоследовательность в суждениях наших респондентов. Это, действительно, скорее образ, «картина», чем понятийный конструкт, имеющий четко определенные содержание и объем.

Образы «врага» и «друга» в нашем исследовании могут принимать и превращенную, неявную для самого респондента форму рассказов «о времени и о себе». Непрямой, в зависимости от обстоятельств опосредованный, неявный, сублимированный и т.п. характер получаемой от очевидцев информации определяет потребность как в особой предварительной подготовке к ее получению, так и в последующей ее герменевтической интерпретации.

Названные обстоятельства вытекают из специфики нашего исследования, апеллирующего не столько к биографическим фактам, сколько к мировоззрению людей. Представления о врагах/друзьях наши собеседники артикулируют на общем фоне рассказов о пережитом. С целью выявления мировоззренческих диспозиций прошлого в числе прочего нами используются приемы сократического метода, который предполагает дискурсивное побуждение к рассуждениям, обоснованию собственных жизненных принципов, симпатий и антипатий. Именно в ходе воспроизведения конкретных жизненных ситуаций и сопутствующих им впечатлений становится возможной экспликация искомых образов «врага» и «друга».

Мы полагаем, что специально организованный разговор позволяет лучше структурировать опыт прошлого так, что интервьюируемый сможет прийти к более отчетливому пониманию своей собственной позиции. По этой причине мы рассматриваем метод практической философии как важный инструмент

нашего исследования. Разновидностью практической философии является сократический метод, который помогает с помощью наводящих вопросов эксплицировать, уточнить, развить ранее неопределенную позицию собеседника.

Таким образом, «враг» и «друг» в исследовательской оптике настоящего исследования – это не факт, а неизбежно оценочное и неизбежно субъективное отношение, окрашивающее реальность. Это не событие или обстоятельство повседневности, а отношение к событиям и обстоятельствам, их личностная интерпретация.

Задача получения и интерпретации свидетельств осложнена еще и тем, что рассказы респондентов зачастую самопроизвольно интегрируются с более поздними временными периодами (эпоха застоя, «перестройка», первые постсоветские годы и т.п.). Вольно или невольно люди склонны соотносить непосредственно послевоенные воспоминания с более поздним опытом. Поэтому вторым важнейшим методологическим посылом настоящего исследования является неустрашимость «герменевтического круга»: события прошлого интерпретируются через события настоящего и, наоборот, понимание настоящего имеет глубокие корни в переживании исторического прошлого. По этой причине мы планируем включить в структуру опросника и вопросы касательно современности.

В ходе последующего сравнительного анализа, структурирования и генерализации собранных интервью предполагается выделить наиболее типичные оценки и позиции наших респондентов, а затем на их основе представить обобщенную модель социального конструирования образов «врага» и «друга». Это позволит приблизиться к более ясному пониманию специфики формирования исторической памяти, в частности, тех принципов и закономерностей, в соответствии с которыми синтезируются внешняя (идеологическая) составляющая изучаемых нами ключевых образов и личный опыт пережитого.

Выводы настоящего исследования будут полезны для совершенствования системы патриотического воспитания и идеологической работы. Они могут быть использованы в учебно-воспитательном процессе при преподавании курсов истории и обществоведения, орга-

низации внешкольной работы, создании тематических интернет-проектов и телепередач.

Сбор свидетельств устной истории является перспективным воспитательным и образовательным средством. Учащиеся получают уникальную возможность попробовать себя в роли исследователей. Под методическим руководством педагога школьники могут подготовить собственные мини-проекты, посвященные как значимым историческим событиям, так и более локальным тематическим аспектам прошлого, вызывающим живой интерес. Историческое знание становится при этом частью непосредственного опыта подростков, а не абстрактным текстом из очередного параграфа. История, рассказанная в личной беседе самими ее участниками, несет мощный воспитательный и эмоционально-нравственный заряд. Кроме того, в ходе обработки эмпирического материала учащиеся получают важные навыки компаративного анализа, теоретического обобщения и классификации. Беседа школьников с представителями старшего поколения обогатит их представления о прошлом в разрезе жизненных историй близких родственников, соседей, проживающих рядом людей преклонного возраста. Подростки получают уникальную возможность соприкоснуться с опытом, ценностями, взглядами старшего поколения, что, безусловно, будет способствовать развитию взаимной эмпатии и продолжению дальнейших неформальных контактов.

Заключение. Значительный мировоззренческий вес и идеологическая нагруженность образов «врага» и «друга» как системообразующих компонентов исторической памяти обусловили необходимость выработки оригинального междисциплинарного инструментария, позволяющего осуществить их реконструкцию и содержательную философскую интерпретацию. Теоретические выводы, полученные в ходе настоящего проекта, будут полезны для осмысления теории и практики современных политтехнологий, для совершенствования системы патриотического воспитания и идеологической работы.

Проект по теме «Образы “врага” и “друга” в свидетельствах очевидцев Великой Отечественной войны: философско-мировоззренческие аспекты формирования исторической памяти» выполняется при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г15-106.

Литература

1. Гудков, Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага: сб. ст. / сост. Л. Гудков. – М., 2005. – С. 7–79.
2. Морозов, И. Формирование в народном сознании «образа врага» как способ политической мобилизации в России / И. Морозов // «Наши» и «чужие» в российском историческом сознании: материалы междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2001.
3. Томпсон, П. Голос прошлого: Устная история / П. Томпсон; пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 368 с.
4. Лурье, С. В поисках русского национального характера / С. Лурье // Отечественные записки. – 2002. – № 3.
5. Теория и методология истории: учебник для вузов / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
6. Урсу, Д.П. Методологические проблемы устной истории. Источниковедение отечественной истории / Д.П. Урсу. – М., 1989. – С. 3–32.

Поступила в редакцию 13.11.2015 г.